

Глава 24. Уроки для Чжиюаня. Великий князь Жуй принимает ученика

Глядя на угрюмо молчавшего Чжиюаня, Гу И ощутил глухое раздражение впополам с бессилием.

— Ты хорошо подумал? — спросил он. — Если и дальше станешь упрямиться, поместье маркиза Тунъань лишит тебя поддержки. Твой отец прямо заявил об этом перед отъездом из столицы.

Его загоняли в угол, заставляя выбирать между покорностью воле рода и собственным упрямством. В конце концов, не будь за его спиной веса отцовского титула, сдался бы принц малолетнему мальчишке? Стал бы тот тратить на него драгоценное время?

Чжиюань понимал: отец слов на ветер не бросает и при необходимости исполнит угрозу без колебаний.

Но отступить теперь? Невозможно. Покидая столицу, он и впрямь подумывал всё бросить, но судьба, похоже, распорядилась иначе. Кто мог предугадать, что сам Сыту Юй пожалует в Янчжоу?

Последние несколько дней он только и делал, что водил Первого принца смотреть на заморские купеческие корабли, мимоходом делясь мыслями, которые для этого века казались слишком смелыми. Сыту Юй оказался на редкость проницательным собеседником: не обладая знанием будущего, он мгновенно улавливал скрытый потенциал этих новшеств. Их помыслы сошлись почти один в один. Чжиюань не видел ни единого повода сдавать назад.

Окончательно выведенный из себя упрямством племянника, Гу И в сердцах взмахнул широкими рукавами и стремительно вышел, не забыв запереть за собой дверь на засов.

Отослав гонца с донесением, Сыту Жуй с усмешкой обронил:

— А я-то всегда считал, что у Гу И ангельское терпение. Надо же, этот сорванец из семьи Сяо довёл его до белого каления.

Линь Хай, глядя на его откровенное злорадство, неодобрительно качнул головой:

— Чжиюань и впрямь несносно упрям. Совсем ещё дитя, а гнёт свою линию. Ты уверен, что сладишь с ним?

Заметив тень сомнения на лице друга, Сыту Жуй усмехнулся:

— Жухай, ты меня недооцениваешь. Гу И просто взялся за дело не с того конца. А ведь мысли у парня дельные. Торговля, таможенные пошлины, военный флот... Назвать его умником? Обывателю такое и в голову не взбредёт. Назвать глупцом? Но ведь замахивается он на дела великие и, что важнее, вполне осуществимые.

Линь Хай задумчиво прикрыл глаза:

— Верно. Направь эту силу в нужное русло — и в столице поднимется такая буря, что мало никому не покажется. Парень и впрямь редкого ума.

Вдруг Сыту Жуй посерьёзней и прищурился:

— Жухай, признайся, ты ведь не собираешься выдать Юй-эр за этого сорванца?

Линь Хай опешил от неожиданности:

— Что за вздор тебе в голову лезет! Юй-эр ещё совсем дитя, к чему эти разговоры? Да и дочке я желаю лишь тихой, мирной жизни. Мальчишка из рода Сяо хорош, спору нет, да только замашки у него слишком опасные. С таким счастья не видать.

Великий князь понимающе хмыкнул и замолчал. Раз у отца девочки таких планов нет, значит, можно действовать по своему усмотрению.

Линь Хай с подозрением покосился на него. И это всё? Тот лишь хранил лукавое молчание.

Чжюань оказался под домашним арестом. Обычных слуг у дверей сменили верные гвардейцы, привезённые из столицы, так что парень лишился малейшей возможности связаться с внешним миром.

Гостям объявили, что молодой господин занемог и временно не принимает. Правду скрывали разве что от маленькой Дайюй. Сам же Гу И безвылазно караулил во дворе, лично приглядывая за комнатой смутьяна.

Праздных визитёров развернуть было несложно, но явись к дверям Сыту Юй — обычная стража и пикнуть бы не посмела. Предчувствия не обманули: Первый принц действительно приходил пару раз, но всякий раз утыкался в непреклонного хозяина дома. Как-никак, Гу И доводился ему дядей по материнской линии, и, невзирая на разность чинов, приличия требовали от племянника уважения к старшему родственнику. Параллельно с этим полетело спешное письмо в столицу — раз уж в Янчжоу от юного смутьяна одни хлопоты, пора возвращать его в отчий дом.

Сам затворник унынию не предавался. Действия дяди его не удивляли, да и сделать он ничего не мог, кроме как коротать часы в четырёх стенах. Тоскливо становилось лишь при мысли о маленькой Дайюй. Горько ли будет Юй-эр узнать, что её названный брат уезжает?

Когда Линь Хай и великий князь Сыту Жуй наконец пожаловали с «вызволением», они думали застать измученного затворничеством мальчишку. Но тот встретил их бодрым и собранным, ничуть не растерявшим духа. Князю такое упрямство явно пришлось по душе.

Чжюань при виде неожиданных гостей опешил. За время ареста он успел разложить всё по полочкам: Янчжоу — вотчина инспектора соляного надзора, и если дядя узнавал о его проделках быстрее, чем они успевали свершиться, значит, кто-то прилежно доносил. И этим доброжелателем мог быть только сам Линь Хай.

Но к чему весь этот спектакль с заточением, если теперь они приходят вдвоём, да ещё и под руку с грозным богом войны?

К фигуре великого князя Чжюань всегда относился с двойственным чувством: безмерно восхищался, но и всерьёз опасался. В столице тот бывал наездами, пропадая в военных походах, так что реального представления о нём составить не удавалось. Лишь побеседовав с Первым принцем, парень понял, насколько грозен и неординарен этот военачальник. Какую же игру он затеял теперь?

Однако ни инспектор соляного надзора, ни великий князь не торопились облегчать ему душу объяснениями. Вместо этого в дверях показался бледный, явно недовольный Гу И и велел племяннику следовать за ним.

Спешно приведя себя в надлежащий вид, Чжюань предстал перед очами высокопоставленных гостей. Дядя сопровождать его не стал, предпочтя остаться снаружи.

Под скрестившимися на нём тяжёлыми взглядами парень почувствовал, как по спине пробежал холодок. Преодолев мимолётную слабость и желание смахнуть проступившую испарину, он расправил плечи, готовый принять неизбежное.

Спустя томительную минуту гости отвели глаза. Линь Хай неторопливо поднёс к губам чашку чая, легонько подув на пар. Инициатива исходила не от него, так что и брать слово первым инспектор соляного надзора не собирался.

— Любопытствуешь, зачем ты мне понадобился? — без лишних обиняков спросил великий князь.

Чжюань на миг замялся, но ответил прямо:

— Не смею лгать Вашему Высочеству. Интерес мой велик.

— О делах твоих мне ведомо всё, — в голосе Сыту Жуя скользнули властные нотки. — И я готов предложить тебе иной выход. Что скажешь?

— Прошу Ваше Высочество указать мне дорогу.

Настороженность парня великого князя ничуть не смутила.

— Коли так, скажу без прикрас, — ровно произнёс он. — У меня есть намерение принять тебя в ученики. Ты — плоть от плоти здешней знати, и коли твоя стезя — ратное дело, лучшего наставника тебе не найти при всём желании. Поразмысли над этим.

Парень онемел от изумления. Он упрямылся и шёл наперекор дяде, но мысль о полном разрыве с родом приводила его в уныние. Пусть в душе он и не благоговел перед здешними культами предков, эти люди были для него по-настоящему близки — ведь он прожил в этом теле с самого младенчества. Нежная, любящая мать, строгий, но справедливый отец, очаровательная сестрёнка... Отказаться от них он не мог.

Предложение великого князя меняло всё. Стать преемником такого человека — удел единиц, сулящий головокружительный взлёт. Но почему выбор пал именно на него?

Он перевёл недоумевающий взгляд с великого князя на Линь Хая, надеясь отыскать подсказку.

Сыту Жуи лишь загадочно усмехнулся, предоставив слово хозяину дома. Линь Хай отставил чашку и мягко произнёс:

— Чжюань, талантами небо тебя не обделило, да только на мир ты смотришь слишком простодушно. Взгляни-ка сюда.

Он протянул лежавшие на краю стола бумаги.

Пробежав глазами строчки, парень мертвенно побледнел. Всё, что он так тщательно планировал, мня себя великим стратегом, на деле давно лежало перед тайным сыском как на ладони. Не окажись рядом Линь Хая и великого князя, его голова давно бы красовалась на плахе.

Вся былая самоуверенность Чжюаня испарилась без следа. Он опустился на колени прямо перед великим князем:

— Ученик приветствует наставника. Молю, учитель, укажите мне верный путь.

Линь Хай и Сыту Жуй переглянулись. В глубине их глаз промелькнуло затаённое торжество.

Впрочем, на лицах обоих не дрогнул ни один мускул. Сыту Жуй жестом велел парню подняться:

— Встань. Я знаю твои сильные стороны, но в любом деле важен правильный расчёт. Ты считаешь отца чёрствым сухарем, но подумай: удержалось бы ваше поместье на плаву столько лет, будь твой родитель глупцом? Излишний напор губит дело быстрее, чем лень. Сегодня мы с Жухаем замели твои следы, но если продолжишь пороть горячку — ни один учитель тебе не поможет.

Этот холодный душ заставил Чжюаня покраснеть до кончиков ушей. Покорно склонив голову, он всё же не удержался от оправдания:

— Учитель, господин Линь, клянусь, я радел не о собственной шкуре. Государственная казна тает на глазах, и если вовремя не принять меры, империю ждёт крах.

Линь Хай добродушно рассмеялся:

— Полно тебе. Не о том твоя голова болеть должна. Неужели ты думаешь, что министры и советники Великого секретариата — глупцы безглазые? Хлеб жуют по кусочку, дела вершат по уму. Хватит мнить себя спасителем отчизны, для начала научись слушать тех, кто старше.

Чжюань прикусил язык. Глядя на новообретённого наставника и благообразного Линь Хая, он мысленно взмолился: да его упрямый дядя на этом фоне просто младенец! Перед ним сидели две прожжённые, хитрейшие бестии. Разумеется, высказать это вслух было бы чистым самоубийством.

Парень уж было решил, что отделался лёгким испугом, но судьба приготовила ему новый сюрприз. Стоило ему вернуться к себе, как дядя ледяным тоном велел собирать вещи для возвращения в столицу. Чжюань застыл как громом поражённый.

Гу И язвительно усмехнулся:

— Великий князь взял тебя под крыло, и это великая милость небес. До Нового года остался какой-то месяц, неужто ты думаешь встречать праздник здесь, вдали от родительского дома?

Понимая, что дядя до сих пор кипит от злости, Чжюань благоразумно смолчал и лишь тихо спросил:

— А учитель... он едет с нами? Мы вернёмся в Янчжоу после праздников?

— Какое ещё «после праздников»? — фыркнул Гу И. — В Новом году твоя дорога лежит напрямиком в казармы армии Сюаньлин!

Видеть, как у племянника отваливается челюсть, было для него истинным наслаждением. Ишъ, стратег выискался! Вот в лагерях-то с тебя спесь живо собьют.

— К слову, выезжаем через пару дней, — добавил он, не отказывая себе в удовольствии сыпануть соли на рану. — Так что ступай, попрощайся с Юй-эр. В ближайшие несколько лет тебе её точно не видать.

Только теперь парень осознал всю глубину своего наива. Дядя оказался тем ещё интриганом, да и все прочие взрослые стоили один другого. Настоящий серпентарий! И ведь винить некого — сам вырыл себе яму. Сжав кулаки, он молча проглотил эту горькую пилюлю, пока довольный Гу И насвистывал себе под нос по дороге к выходу.

Оставшиеся до отъезда крохи времени Чжюань буквально не отходил от названной сестры. Он лез вон из кожи, стараясь выдумать общие игры и разговоры — лишь бы Дайюй не позабыла его за долгие годы разлуки, увлечшись кем-то другим.

Малышка лишь недоумевала от его внезапной навязчивости. Ну уезжает Третий брат из Янчжоу, но ведь бумага и чернила никуда не делись, писать-то можно! К чему эти траурные мины? Впрочем, сообразив, что сразу после Нового года парня ждёт суровая муштра в лагерях, Дайюй сменила гнев на милость и отнеслась к его чудачествам с мягким девичьим сочувствием.

Весть о том, что суровый Седьмой дядя сослал Чжюаня в армию Сюаньлин, заставила Первого принца надолго задуматься. Оставшиеся дни он безучастно наблюдал со стороны за тем, как обречённый рекрут отчаянно соперничает с Шестым принцем за внимание маленькой Дайюй.

Лишь в ночь перед самым отъездом эти двое, хранившие молчание все последние дни, наконец сошлись лицом к лицу.

Чжюань ничуть не удивился визиту. Поднявшись навстречу гостю, он указал на стул:

— Присаживайтесь, Ваше Высочество.

— Не удивлён? — приподнял бровь принц.

— Удивился бы, если бы вы не пришли, — спокойно отозвался Чжиюань.

<http://bllate.org/book/18189/1758919>